

Диана Федорович

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ГОРТЕНЗИЙ

Это был старый, совсем обветшалый дом. Он видел разных людей – и хороших, и не очень, и теперь на его пороге стояла Анна, и жить здесь она не собиралась. Не собиралась – и точка.

Она пришла так, посмотреть, прицениться, уже потеряв любую надежду.

Но ах, поглядите, какой хороший и просторный дом, щебетал риелтор, давя на Анну. Если бы это было сложно! Анна и сама пожимала плечами – найти кого-то более бесхребетного, чем она, еще постараться надо. Да и бывший муж раньше смеялся – ну что ты вечно как тряпка, Ань!

Так что в любом другом случае она бы, конечно, сдалась... Но не сейчас.

Только увидев этот дом, даже она поняла – его купит лишь сумасшедший.

– Ну что вы, – сказала она очень тихо и очень вежливо. – Разве это хороший дом? У меня же сын еще есть... И собаки, а они совсем старенькие... Им здесь не место.

Прогнившие доски, облезлая краска, штукатурить все надо и чинить... Кое-где проглядывалась на стенах плесень, а огород и двор запущены, кому вообще нужна эта морока? Есть ли здесь, на окраине Терновки, хоть что-то, достойное любви?

Вот уж вряд ли – так решила Анна и пошла прочь.

Но неожиданно заглянула в окно, выходящее во двор соседей, и увидела его...

Это был сад цветущих гортензий.

Глаза вдруг пронзило что-то бесконечно летнее, и к ее уставшему сердцу будто прикоснулась чья-то нежная, чуткая рука. Протерла его от пыли, от боли, и согрела чем-то давно забытым...

Чем дальше смотрела она на кустарники пышных цветов, тем теплее становилось на душе, и почему-то казалось, будто теперь все будет хорошо, и не надо, не надо больше плакать. Дом отстроим, будет как новый... Боря в школу с сентября пойдет... И если в местную ветклинику устроиться, будет все как раньше. Все будет хорошо.

Гортензии вдруг оживили лучшие – и оттого редкие – воспоминания из жизни. Вот родители, еще живые и молодые, первая собака-старушка из

приюта, румяный яблочный пирог... Домик в Сороках, ветер с озера, бесконечное деревенское лето... И небесно-голубые гортензии.

Вот они, совсем рядом! Настоящие гортензии! Пусть и у соседей – и что? Будут и у нас! Если бы тронуть хоть одну... Просто прикоснуться...

И, одурманенная цветами детства, Анна подписала контракт, совсем не ведая подвоха. Вот так старый дом на окраине Терновки в конце лета обрел новую хозяйку.

За пару дней Анна перевезла скудные пожитки, сына-шестиклассника и ораву собак. Дом встретил странную семью ворчливым скрипом, и в первый же день на лестнице проломилась две прогнившие ступени.

И сын, и собаки-пензионерки перенесли переезд на удивление спокойно, и каждый нашел себе и место, и дело по душе. Боря взялся за уборку комнат, а собаки улеглись спать прямо в завалах нераспакованных коробок.

В тот же день Анна познакомилась и с соседкой. Пунцовая от смущения, она пролепетала о единственной веточке гортензии. Можно ли так, всего одну, чтобы в воду поставить, вы не подумайте, просто ваш сад такой чудесный, и я бы мечтала...

Но долепетать она не успела – старуха внезапно расхохоталась.

– Гортензии мои захотела! – вдруг заорала она, насмеявшись. – Ишь, приехала какая наглая! Разведенка с прицепом! Сама ни привет, ни здрасьте, а уже гортензии клянчит! Кому расскажу – не поверят! А я расскажу!

С молодецкой ловкостью она тут же скрутила в пальцах дулю и ткнула Анне под нос.

– Во тебе, а не гортензии! – прошамкала она с непонятым удовольствием. – Зря ты приехала сюда. Никому вы здесь не нужны, поняла?

И в тот момент, заливаясь краской, Анна возненавидела все гортензии мира.

Сначала казалось, что баба Виорика – так звали в народе соседку – ненавидела только Анну.

При встрече ее сморщенное лицо морщилось сильнее, бескровные губы кривились. Что-то острое и тяжелое появлялось во взгляде, и Анна сжималась. Как выброшенная на сушу рыба, баба Виорика открывала и закрывала рот, желая выплюнуть что-то едкое – и в итоге, наконец, выплевывая.

– Ишь, как вырядилась! – скажет с утра.

– А чем это у вас так воняет? – спросит в обед.

– Я бы всех твоих псин усыпила бы! – скажет она вечером. – Вот покусают – вспомнишь мои слова!

Она ждала любого ответа, прямо-таки тряслась в ожидании смачной ссоры, но Анна, скрипя зубами, терпела и молчала. Это было ей привычнее и куда легче.

Только потом оказалось, что баба Виорика ненавидит и ее сына Борю, и их собак, и этот дом, и их улицу Фрунзе, и всех соседей в округе. Да и вообще весь мир ненавидит. Кроме, конечно, своих треклятых гортензий, которые были, как назло, просто прекрасны.

Утро Анны начиналось с того, что она прогоняла со двора виорикиных кур. Они вылезали непонятно из какой дыры в заборе – и туда же исчезали. Виорика, конечно, лишь пожимала плечами, но беззубая улыбка выдавала просто неземное наслаждение.

Потом Анна чистила двор от помета, проверяла выклеванные луковицы в разбитом палисаднике, и на целый день ей повсюду чудился запах курятника.

Иногда к калитке подходили соседи и молча заглядывали во двор. Они не здоровались, не отвечали на вопросы, лишь глазели – и уходили.

– Действительно, разведенка с собаками, – пробормотала одна женщина, оглядывая Анну. – Как же ты без мужика-то, а? Без мужика девка в селе никому не нужна. И чего вечно смурная? Улыбайся, девка! Улыбаться полезно! Права баба Виорика, и месяца не продержишься, уедешь...

И все по Фрунзе считали так же. К кому не подойдешь – все как на чужачку смотрят, хоть чужачкой она и была. Гляди, приехала из города, без мужа, с ребенком, да еще и с кучей старых собак... Ну не наша, ну чужая совсем! Что между нами общего?..

А если уж и баба Виорика следит за ней и говорит, что новенькая совсем непутевая – то тут и обсуждать нечего!

«Ну что ж, не везет мне в жизни, повезет в любви! Точнее, на работе» – решила Анна и отправилась в сельскую ветлечебницу. Раньше она работала в городской ветклинике, там и зарплаты выше, и организация цивилизнее, но развод и переезд перевернули все с ног на голову.

В единственной ветлечебнице ее приняла настороженно. Долго изучали документы, трудовую книжку, хвалебные отзывы с прошлой работы. И наконец, когда Анна посчитала, что дело в шляпе, пожилой главврач вдруг спросил:

– А что, говорят, собаки у вас есть?

– Да, четыре собаки.

– И больные, говорят?

– Кто говорит такое? – опешила Анна.

– Соседи ваши. И баба Виорика, – добавил врач. – Говорит, вечно кашляют, хромают, бешеные мол...

– Они не бешеные, они просто очень старые, – терпеливо начала Анна. – Понимаете... Мои родители всегда брали в дом старых собак из приютов и с улицы, чтобы они доживали жизнь спокойно и в сытости. Это наша традиция... И сейчас у меня четыре. Полмесяца назад было шесть, но, увы... Они слишком быстро уходят, но хотя бы... Хотя бы они знают, что значит дом. Это же, ну... Хорошо, думаю... Всем ведь нужен дом.

Врач с интересом оглядел Анну, будто впервые ее увидев, и она совсем потеряла запал.

– Да? То есть, э... Вы забираете из специализированного учреждения старую и больную собаку... Чтобы она – скажем, дней через десять – умерла у вас дома?

Анна залилась предательской краснотой, хотела что-то пробормотать, но язык будто отсох.

– Права баба Виорика, странная вы какая-то, – хмыкнул врач и закрыл трудовую книжку. – А нам странные ветврачи не нужны.

Шагая прочь, Анна не понимала, что это за чувство такое... Что это за чувство, вспыхнувшее и тут же затихшее где-то в душе? Когда хочется вскочить, гавкнуть, как та же собака – а потом понимаешь, что нет, надо быть, вообще-то хорошей... Надо быть порядочной. И вежливой, конечно.

А то напридумают новых сплетен... И не разгребешь до самой смерти.

«Слишком ты, Анют, покладистая» – качал головой отец, когда еще жив был. – «Как бы больно тебе от твоей же доброты не случилось...»

Говорил – и как в воду глядел.

Анна проморгала слезу и ускорила шаг, но воспоминания об отце и матери уже сами собой всплыли в сердце.

Вот они... Они были хорошими. И не такими тряпками, как Анна. Смотришь на них, и понимаешь – славные люди, добрые. Все их в Сороках уважали, все к ним за советом ходили. Никакая бы баба Виорика не посмела бы что-то придумать против...

Это ведь папа, именно папа приносил домой старых собак. Мама лишь вздыхала – разве понравится какой хозяйке, что и дети видят смерти, и муж выхаживает обреченных... Но а как иначе? Не могли бы они иначе.

«Я когда мелким совсем был, – говорил папа за столом. – Шел в поля работать, деду да тате помогать... А наша овчарка, Герда, за мной пошла. Хай, что это была за собака! Умнющая! Мудрейшей души собака! Не столько мать меня воспитала, сколько эта собака!»

И все смеялись. Весело было за столом, и хвостатым всегда что-то перепало.

«И в один вечер смотрю... Нет Герды. А она меня всегда ждала на одном и том же месте, а тут, вот те раз... Нет ее. Ну, думаю, значит дома, возвращаюсь домой... И там нет моей собаки! Я давай ее искать! Вэй, три дня искал, чуть с ума не сошел! И все жалеют меня, главное... Когда у человека теряется собака... Больно это. Это как потерять ребенка своего. Или родителя.

Три дня искал, значит, и тут мне говорят – идем, видели ее! И ведут к охотнику одному, который с собаками ходит по утку... У него вместо курятников да свинарников – загоны. А там полно собак! И все такие худющие... Больные... Господи, думаю я, если найду Герду, Господи, я стану врачом, я вылечу всех-всех собак, что мне попадутся! Обещаю, Господи! И в каждой морде видел я морду Герды, каждую псину хотелось обнять, забрать с собой... Но вот – глянь! Герда! И впрямь она! Тощая, грустная... Увидела меня – и в пляс!

Охотник, конечно, Герду мне вернул. А я ему говорю – отдай еще собаку! Хоть одну! И он мне отвечает: ну хорошо, выбирай, только вон на того барбоса не смотри, он уже подыхает. А я возьму и посмотрю на барбоса!»

В этот момент глаза у отца наполнялись слезами, и он смеялся.

«Ну и страшный барбос! Весь в мухах, в навозе! Старый совсем, лежит, не шевелится... А глаза добрые... Как у деда моего. Ну, говорю, отдай мне барбоса. Охотник, конечно, дивится: мэй, та почто он тебе? Он завтра лапы протянет! А я говорю – да отдай! Ну он и отдал. И жил барбос три дня у меня. Хорошо жил. Мне кажется... Это были лучшие три дня в его жизни»

И отец закрывал ладонью лицо, чтобы ни жена, ни сыновья, ни маленькая Аня не видели его слез.

Будь отец жив, он бы не позволил дочку бродить, клянча работу, это да...

Но ни родителей, ни братьев, ни дома не осталось – все сгинуло в пожаре, когда Анне было пятнадцать, и с тех пор ни к руинам, ни к могилам она не приходила. Никак не могла найти в себе силы, чтобы встретиться.

Чего уж там, ей даже не хватило сил, чтобы найти работу в Терновке! Пришлось отправиться дальше – в Парканы, где требовался ветеринар на ферму.

К счастью, до Паркан слава о бабе Виорике пока не добралась, и Анна наконец получила работу. Работенка непыльная, совсем не для нежных аниных рук, но кто ж выбирает... Не скажет же она – а я, вообще-то, хочу работу получше и зарплату повыше! Конечно, кто-то может и скажет... Но уж точно не она.

Там же, в Парканах, Анне передали собаку из бендерского приюта – «умирающую бабу». Домой она вернулась со старой переноской, в которой крутилась и ворчала, изнывая, одноглазая Собка.

– Собка? Странное имя, – сказал Боря, расстилая для Собки подстилку.

– Да ее с улицы подобрали. Имени нормального никто давать не захотел, звали ее попросту – Собака. А когда оформлять документы начали, опечатка вышла. Букву, понимаешь, пропустили, да и махнули все рукой. Собка так Собка! Все равно никому она не нужна. Старая совсем, больная. Ждали вот, когда отмучается... и вольер освободит.

– Теперь будет нашей, – улыбнулся Боря. – Ну привет, Собка!

В ответ Собка огрызнулась. Подобную роскошь ей позволял возраст.

Это была действительно старая, просто *мучительно старая* собака. Плоскомордая, с полусгнившими зубами, поседевшая и где-то потерявшая свой левый глаз. В городском приюте ее недокармливали, и за долгие годы шерсть свалялась в жесткие колтуны.

С великим недовольством Собка позволила себя отмыть и обстричь, а потом заползла под шкаф и весь вечер оттуда рычала.

На следующий день Анна повезла ее на анализы и удаление гнилых зубов, и там уже убедилась, Собке осталось недолго. Максимум, если ей повезет – месяц.

Месяцем этим Собка решила наслаждаться на полную катушку. Много спала и оживлялась только тогда, когда приходило время ужина. Очень скоро она располнела, начала съедать еду других старичков, утаскивать тапочки и воровать игрушки.

По ночам она ныла, как старая бабулька, иногда даже выла, и Анна постоянно вставала, чтобы проверить – что же случилось? Как там бедная Собка? А бедная Собка ничего так... Зовет показать, как вылеченными зубами разгрызла туфли.

Через полмесяца умер Палкан. И Анна, и Боря были к этому готовы – старичок давно не поднимался на лапы, и умер он у них на руках, мирно посапывая во сне.

Это был пес с внимательным взглядом и большими лапами. Десять лет охранял стройку, а потом был сдан в приют, где его и нашла Анна. И, прощаясь с Палканом, они плакали, как в первый раз.

Это всегда, как в первый раз, и легче со временем не становится, нет. Чуть легче становится только позже, когда вспоминаешь, что Палкан ушел, по-собачьи улыбаясь.

Потом в октябре умерла от старости Лиса, и почти сразу после – вислоухий Степаныч.

А Собка жила.

Когда начались дожди, наступили первые настоящие проблемы. Протекала крыша, по коридорам ходили сквозняки. То, что они сочли за ремонт в августе и сентябре, вдруг обернулось детским лепетом, и приезжий рабочий развел руками – мол, сделаю что могу, но зима вас ждет непростая.

Скоро в доме появилась дворняжка Плюшка, больная диабетом, и после нее Боря принес крошку Космо, от которого отказался одноклассник. Слава о странной семье разлетелась по всему селу, и вскоре к ним привели старого бродячего пса, которого Анна подлечила и ласково назвала Лешим. К ее счастью, Леший стал хорошим охранником, и виорикины куры во дворе больше не появлялись.

К ноябрю не стало Мика, отказало сердце. Рыжий Мик был последним из тех, кто помнил старый дом, и его потеря ощущалась как потеря прежней жизни. Не сказать, что та жизнь была хорошей, но явно получше этой. В общем, Мик умер.

А Собка жила.

С приходом зимы проблем прибавилось, и Анна чуть не слегла с бронхитом.

Космо не дожил до Нового Года, и Анна привезла из приюта Каспера. Виорика зубоскалила – куда вам, сами бомжуете и собак таскаете! Откуда ей знать, что в местных приютах холоднее, чем на улице, и кормят там раз через раз... Откуда знать об этом Виорике, в чей пустой дом даже мышь боится забежать.

Январь прошел спокойно, а потом февраль забрал сразу двоих – Плюшку и Каспера.

А Собка жила.

Когда зима ушла, забрав с собой грязный снег и боль прожитых месяцев, Анна выдохнула. Что-то в ней за эти месяцы надломилось, и как безвкусная жвачка, в душе растянулось нечто бесконечно тоскливое.

Все чаще перед сном она думала – и к чему это все... И разве это и есть жизнь? Жизнь, за которую борется каждая из собак? Жизнь, которую она тратит на серое сельское утро и бесконечную дорогу до работы и до дома?.. На бесконечное ожидание новой собачьей смерти и бесконечную боль от каждой потери?

Ответы, как правило, она никогда не находила и потому шла спать.

Наступила сырая весна, затем – душное лето; снова расцвел прекрасный сад бабы Виорики, а вместе с ним расцвела пуще прежнего ее знаменитая язвительность. Как у такого ворчливого человека мог быть такой прекрасный сад, оставалось для Анны величайшей загадкой.

Не стало Лешего, пошли новые имена и новые слезы. Изюм, Грей, Жозефина, Хантер, Лапа, Фокси... Белые, рыжие, черные, бурые, в пятнах и с плешами, кашляющие и чихающие... Одни были грустными и тихими. Другие – до последнего виляющие хвостом и ловящие каждое твое слово. Одни уходили, тихо скуля, другие – незаметно, во сне.

Все они приходили и уходили, Анна и Боря плакали и прощались...

А Собка по-прежнему жила.

Почуввав новую жизнь, она будто передумала умирать.

Она жила так, как Анна никогда бы себе не позволила – в свое удовольствие. Ела, сколько хотела – а хотела она много. Тявкала и рычала, если ей что-то не нравилось – а не нравилось ей почти все. Гоняла других старичков, если они ей мешали – а мешали ей всегда и все.

Это была противная, недовольная всем собака, не любящая никого и не любимая никем. Стоило Анне подойти, она начинала хрипло рычать, с другими псами играть не желала. Команд она не слушала, а потому оставляла после себя лужи, где придется, и Анне приходилось каждый день после треклятой работы... мыть полы.

Собка будто разрушала жизнь Анны, а еще и этот дом, это село, смешки Виорики, работа на ферме и все то, о чем Анна думала по ночам, мучаясь от бессонницы. Собка стала лицом и прообразом всего, что Анна так ненавидела в своей жизни.

И в один день Анна вдруг поняла: когда Собки не станет, Анна впервые не заплачет.

– И чего ты глядишь на меня? Чего еще желаешь? – спрашивала она с затаенной злостью и виной, и Собка, конечно, не отвечала.

А в один день, убирая ее подстилку, Анна оступилась... И споткнулась об Собку. Та тут же ощерилась, взвизгнула, цапнула Анну за лодыжку, и Анна вскрикнула.

С неглубокого укуса заструилась кровь, и от обиды хотелось разрыдаться.

– Как же ты меня достала! Достала! – не выдержала Анна, и голос ее сорвался на истеричный визг. – Разве так сложно быть нормальной собакой?! Разве я многого прошу?! Я все делаю для тебя! Все! Целый год ты ведешь себя, как самое неблагодарное животное! Ты точно собака?! Или свинья?! Глупая, злобная свинья?! Да от свиней и то больше пользы! А ты! Ты! Я устала с тобой воевать! Я не справляюсь! Как же меня это все достало!

И, выпалив все это, Анна швырнула подстилку в стену. Схватила сумку, выскочила из дома – и понеслась прочь. Вслед ей что-то брякнула баба Виорика, но к черту ее! Что Виорика, что Собка – нет им другого счастья, как гадить в душу Анне!

К черту их всех!

Анна ехала на работу, и руки ее тряслись, словно она не спала всю ночь, словно дралась в подворотне, словно сделала что-то... страшное. Никогда еще такой гнев, такая ослепительная ярость не вырывалась из ее глотки. Все и всегда копилось внутри, оседало слоем подавленного и зажатого, и теперь, вывернув себя наизнанку, Анна вдруг почувствовала, как слаба.

В тот день все валилось из рук, поднялась температура, и пришлось отпроситься с работы. Но Анна не поехала домой. Она отправилась в Бендеры, откуда из приюта ей и привезли Собку.

– Собку? Вы про одноглазую собачку? – удивилась волонтерша Катерина в фойе. – Разве она не...

– Она живет всех живых, – с незнакомым льдом в голосе ответила Анна. – И я пришла, чтобы...

Тут она и оборвалась.

А зачем она сюда пришла? Чтобы – что? Чтобы вернуть Собку в приют? Потребовать объяснений? Пожаловаться? Или просто чтобы не возвращаться домой, где Анна вдруг перестала быть Анной?

Устало выдохнув, она обмякла в кресле и зажмурилась.

– Ничего. Все хорошо. Я уже уйду, – сказала она, хотя сил не было даже чтобы пошевелить пальцем.

Катерина не ответила, лишь налила в стакан прохладный лимонад и придвинула вазочку с печеньями.

– Знаете, Собка, наверное, вас очень любит, раз до сих пор живет, – сказала она, и Анна фыркнула.

– Эта собака ненавидит меня, – резко ответила она и сама удивилась, каким холодным и жестким может быть ее голос.

– Уверена, это не так... Ее здесь никто не любил, вот она и чахла... Все думали – ну сегодня-завтра точно помрет! А потом появились вы. И забрали Собку. Вам о ней рассказывали? Рассказывали, как она появилась в нашем приюте?

Анна покачала головой, и Катерина начала свой рассказ.

– Никто точно не знает, сколько Собке лет, но мы-то понимаем, что она уже совсем древняя старушка. Когда-то она родилась и выросла на улице, в подворотне заброшки, выживала как придется. Ощенилась в коробке, говорят. Ходила тощая, с висящим брюхом, молока совсем не было. Полно таких у нас, да?

Только потом заброшку снесли, а щенков куда-то дели. Утопили, наверное, или на свалку выбросили... Как знать. Люди разные. И ее саму хотели усыпить, но взяла ее к себе женщина, пенсионерка, звали ее как-то... То ли Авдотья, то ли Антонина... Правда, недолго Собка жила у нее, месяца два, потому как пенсионерка совсем скоро скончалась. Приехали внуки, вышвырнули Собку на улицу, и снова ей пришлось бродить...

Видели ее то тут, то там, чудом не попалась отлову. Там же, на улицах, над ней подшутили подростки, и Собка осталась без глаза. С тех пор она боится людей до смерти... Да и защищается, как может. Вот так.

...И Катерина надолго замолчала.

Анна пришла в себя, когда почувствовала, как лицо ее заливается слезами.

– Спасибо, – пролепетала она, вставая. – Спасибо, что сказали... Я пойду. Меня дома ждут.

И сорвалась с места.

У калитки ее встретил Боря, вернувшийся из школы. Анна сразу поняла – что-то случилось, вышел он встревоженный и сразу спросил:

– Мама, а где Собка? Она с тобой? Все хорошо?

Анна замерла – а потом бросилась в дом. Нет Собки... Лишь брошенная подстилка у стены валяется.

И начали они вместе ходить, звать Собку, пошли спрашивать соседей... И как так Анна выскочила да оставила дверь открытой?! Неужели Собка и со двора сбежала? Но калитка-то была закрыта...

– Старенькая такая, полная, – бормотала Анна. – С одним глазом... Вы бы ее сразу узнали!

– Прости, милая, не видели, – сочувственно ответила соседка тетя Люба. – Вот увидим – скажем!

– Нет, не видали такую... Видал рыжую! Или она черная с рыжим пятном... – начал вспоминать дед Сержа, и старая его жена, Дарья Михайловна, выглянула следом.

– Не видели такую, Аня... А что? Твоя собачка-то?

– Моя, моя, – повторяла Анна.

– Ну не огорчайся... Найдется, вот увидишь! Вон у Кузьмы с Первомайской пропал его барбос, аж в поле отыскали! Найдется!

И словно с каждым домом, с каждой открытой дверью и с каждой повторенной просьбой взгляд соседей теплел, и кто-то даже начал искать, и кто-то уже начал выкрикивать «Собка! Собка!», и дети помогали Боре искать в поле и на дорогах... И все, все кто встречался, вдруг виновато прятали взгляд и говорили этой «странной чужачке Ане» что-то теплое, что-то неожиданно доброе, потому как, наверное, каждый терял собаку, или ребенка, или старика... Или просто нечто очень важное. Кого-то очень важного, да?..

И «странная приезжая Анька, разведенка с собаками» вдруг стала не такой уж странной, и, наверное, даже хорошей, если она так за собак своих переживает... А хорошему человеку отчего ж не помочь...

Но вот на терновские улицы спустились сумерки, а Собку никто так и не нашел. Анна отправила Борю домой, и до позднего вечера ходила по лесополосе, расцарапывая руки буреломом, и до хрипоты выкрикивая имя самой противной, самой мерзкой собаки на свете – она же моя, моя! Моя, думала Анна, и иначе думать она не могла.

Выбившись из сил, она вернулась на улицу Фрунзе, и замерла, услышав знакомые крики.

– Прочь, прочь, псина! – рычала баба Виорика.

И, забыв про все, Анна бросилась в ее двор. Вот оцветающие гортензии, ухоженный палисадник, вот и баба Виорика с метлой, а в сарае, в дровах...

В дровах, согнувшись в три погибели, пряталась Собка. Собка, ненаглядная Собка, вот же она! Наверное, она пробралась в виорикин сад через лаз в заборе, откуда вечно лезли куры...

Как болотная головешка, в темноте светился ее единственный глаз, и утробное рычание предупреждало: если я и выйду, то берегитесь! Метлой баба Виорика пыталась ее вытравить, тыкая вслепую, но Собка лишь огрызалась. Так они и торчали, две насмерть перепуганные старухи, боясь шелохнуться – и не собираясь сдаваться друг другу. А с чего бы?! Вот оно, истинно стариковское упрямство...

– Отойдите! – крикнула Анна, подскочив к Виорике.

С неожиданной для себя яростью она выхватила метлу и отбросила в сторону.

– Эта псина! Она!.. Она!.. Бешеная!.. Сумасшедшая псина! – задыхаясь, зачестила Виорика, но Анна уже опустилась на землю.

– Это моя собака, и я с ней разберусь, – твердо перебила она соседку. – Собка, это я... Собка, слышишь меня?

Услыхав знакомый голос, Собка зарычала тише.

– Собка, ты прости меня, – тихо заговорила Анна, пытаясь разглядеть собаку в темноте сарая. – Прости меня, дуру... Ты прости, я ведь не знала... Ничего я не знала...

На глаза неожиданно подступили слезы, и Анна рывком их вытерла расцарапанной буреломом рукой. Нет, Анна не тряпка! И не размазня! Она все скажет, за все извинится! И если кто полезет – Анна и Собку защитит, и Борю, и всех-всех собак, и саму себя!

– Живи у нас, сколько хочешь, Собка... И ешь сколько хочешь... Живи, сколько можешь... И пожалуйста, идем домой... Я ведь совсем не знала... Я ведь тоже немного... Немного как ты... Ненужная...

И, не в силах сдержаться, Анна разрыдалась.

Тягучая боль, залегшая многолетними ледниками в душе, начала таять и литься, литься, литься... Будто что-то прорвалось изнутри – и то, как не стало родителей, как сгорел и дом их, и собаки, и как она пришла, а вместо дома – пепелище; и то, как она по глупости поверила первому встречному, вышла замуж, доверила всю себя, терпела, терпела, терпела – а потом еле сбежала с сыном...

И то, что жизнь теперь – не жизнь, а нечто гадко-однообразное, как осенняя грязь под ботинками... И разве есть смысл спасать собак, продлевать им жизнь? Лечить, переживать, дарить дом напоследок? Есть ли смысл, если всех ждет один и тот же конец?..

Но тут что-то коснулось ее руки – это Собка уткнулась в ладонь своей мордой и устроилась рядом, и Анна всхлипнула.

– Собочка моя, – провыла она и подняла Собку на руки. – Идем домой, Собка... Такой ужин будет вкусный... Ну и что, что ты старенькая... И злобная, как тысяча чертей... Я люблю тебя, Собка... И Боря тебя любит... Идем домой, слышишь... Не уходи больше...

И пошла прочь, прижав Собку к себе. Та не рычала, не дергалась, не злилась. Она вдруг положила свою маленькую страшную голову Анне на плечо и устало засопела. Ну ничего, Собка, вот придем домой... Выспимся. И отъедемся.

– Эй... – окликнула ее баба Виорика. – Погоди!

Анна обернулась, уже готовая непривычно огрызнуться, но замерла, так не проронив ни слова.

Баба Виорика плакала.

– Ты эту скотину... И правда... Домой? – тихо спросила она, и по щеке ее бежали слезы.

И Анна кивнула.

– Но она же... Плохая. Это плохая собака...

И в ее глазах, в глазах старой одинокой женщины, Анна вдруг увидела то, что никогда прежде не замечала. Сердце вдруг сжалось от жалости и непонятной любви к этому несчастному, плачущему человеку, у которого нет ничего... Кроме сада гортензий.

Ничего, кроме ворчания и смешков, кроме сплетен и злобы... Кроме пустого дома и тихой, всеми брошенной старости.

– Может, и плохая, – тихо ответила Анна и крепче прижала Собку. – Но она моя. И мы с ней идем домой.

И они пошли домой.

Всю ночь Анна провела рядом с Собкой.

Оказавшись дома, Собка тут же успокоилась и неожиданно быстро заснула в своей лежанке. Боря разогрел ужин и принес пластыри для царапин, и старые собачки встретили Анну, толпясь у двери.

И сидя на полу рядом с вредной, страшной Собкой, слушая ее мерное сопение и нежно глядя ее старые лапки, Анна вдруг почувствовала себя... Счастливой.

Может, все это, все-таки, не зря? Может, есть у Бога план и на Собку, и на Анну?

И может, план этот прост, как пшеничное зернышко? Для одной – лежать и сопеть, доживая старость в свое удовольствие, для другой – просто быть рядом и слушать это спокойное дыхание?

Однажды Собка, конечно, умрет. Не жить же ей вечно, да?

И Анна, конечно, будет плакать. Все-таки будет. Но и плакать вечно тоже не стоит. Она потом улыбнется, – потому что улыбаться полезно! – обнимет Борю, съездит к могилам родителей. Расскажет все-все-все! И будет жить, как Собка. В свое удовольствие. Смакуя каждый Божий день.

К утру Анна все-таки задремала, найдя ответы на все свои вопросы.

Потом поднялась, покормила всех старушек и стариков, разбудила Борю. Полная жизни и трепетной силы, Анна – незнакомая всем Анна, новая Анна – вышла во двор.

И выйдя во двор, вдруг увидела у калитки букет цветов, аккуратно перевязанный лентой...

Букет последних в этом году небесно-голубых гортензий.